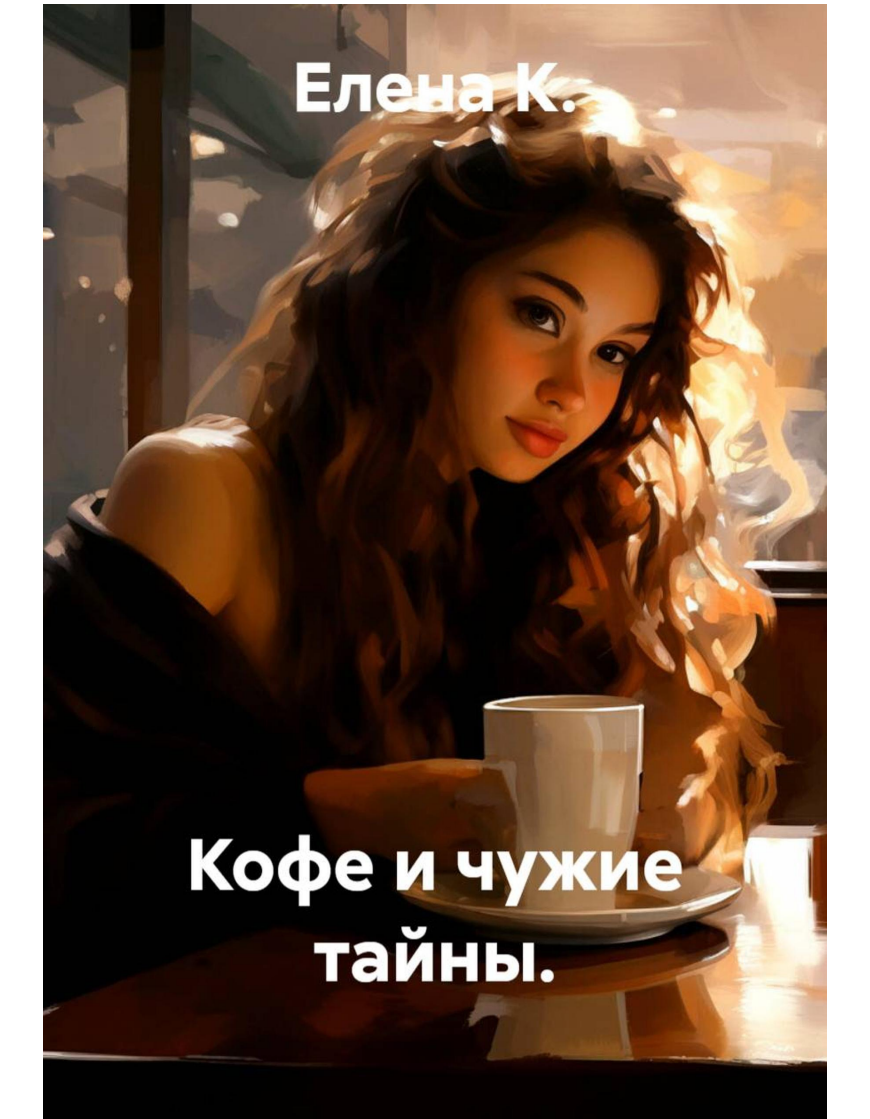

A woman with long, wavy brown hair is sitting at a table, looking towards the camera. She is wearing a dark, off-the-shoulder top. In front of her is a white cup of coffee on a saucer. The background is warm and blurry, suggesting an indoor setting with soft lighting. The text "Елена К." is overlaid at the top, and "Кофе и чужие тайны." is overlaid at the bottom.

Елена К.

**Кофе и чужие
тайны.**

Елена К.

Кофе и чужие тайны.

<https://litres.ru/74483007>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лена поначалу пытается всё успеть и тревожится из-за каждой мелочи, но постепенно открывает для себя ценность простых моментов: утреннего кофе в любимой кружке, случайной улыбки прохожему, прогулки по незнакомому району, вечера с близкими. Она заводит тетрадь, куда записывает «спокойные дни» — не великие события, а маленькие эпизоды, от которых на душе становится теплее. Со временем тетрадь превращается в её личную опору: в тревожные моменты Лена перечитывает строчки и снова чувствует землю под ногами. А потом делится тетрадью с самыми близкими — мамой, сестрой, подругой Катей, — и та становится общим хранилищем тихих радостей. История показывает, что счастье часто прячется в деталях: в запахе ванили, в разговоре у окна, в надписи мелом на витрине, в пончике с корицей. И достаточно просто замечать эти мгновения и бережно складывать их в свою коллекцию — чтобы в любой день можно было открыть тетрадь и вспомнить: мир по-своему прекрасен.

Содержание

Все Главы.	4
Глава первая.	5
Глава вторая.	9
Глава третья.	13
Глава четвертая.	17
Глава пятая.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена К.
Кофе и чужие тайны.

Все Главы.

Глава первая.

Утро началось с того, что чайник засвистел слишком громко. Как будто хотел сообщить всему дому: «Я вскипел, и теперь всем придётся жить дальше». Лена поморщилась, потянулась за кружкой — той самой, с отколотым краем. Эту кружку она берегла не из сентиментальности, а потому что в ней кофе всегда казался чуть вкуснее. Или это был самообман. Наверное, самообман — но разве не в таких мелочах держится день?

Она насыпала ложку растворимого, залила кипятком и устоялась в окно. За стеклом город уже бежал куда-то, сугулясь под серым небом. Машины, пальто, капюшоны — всё сливалось в одну торопливую реку, где никто не смотрит друг на друга. Лена подумала: «Интересно, у кого-нибудь сегодня тоже день начинается с отколотой кружки?» И тут же усмехнулась своей наивности. Конечно, у кого-то. У сотен людей. Просто никто об этом не рассказывает.

Телефон звякнул. Сообщение от сестры: «Ты помнишь, что сегодня у мамы день рождения?» Лена вздохнула. Помнила. И именно поэтому тянула с ответом. Мама всегда спрашивала: «А ты счастлива?» И Лена не знала, что отвечать. Сказать «да» — значит соврать. Сказать «нет» — расстроить. А между этими двумя словами была целая страна, огромная и без названий, с болотами сомнений и сухими сте-

пиями привычек.

Она допила кофе, поставила кружку в раковину и вдруг заметила на столе конверт. Белый, без марки, просто подсунутый под сахарницу. Странно. Почтальон так не делает. Да и кто вообще пишет письма в наше время? Электронные письма, голосовые, стикеры в мессенджерах — вот и весь эпистолярный жанр. А тут — бумага. Плотная, чуть шершавая, как будто из другой эпохи.

Лена взяла его в руки. Пальцы чуть дрогнули — будто бумага знала что-то, чего не знала она. На обороте не было ни имени, ни адреса. Только одна строчка, написанная аккуратным, почти детским почерком: «Не открывай, если боишься узнать правду».

Она рассмеялась. Правда. Какое громкое слово для маленькой кухни, пропахшей кофе и прошлым. Но пальцы уже тянулись к клапану. «Ладно, — подумала Лена, — пусть будет правда. Хоть какая-нибудь. Главное, чтобы не про меня». И надорвала конверт.

Внутри лежала одна-единственная фотография. Старая, с загнутым уголком, будто её много раз доставали и прятали обратно. На снимке — молодая женщина в лёгком платье, с распущенными волосами, смеётся, запрокинув голову. В её смехе было столько свободы, что Лена на секунду почувствовала укол зависти. Кто это? И почему фото оказалось в конверте?

Лена перевернула снимок. На обратной стороне — разма-

шистая надпись: «1998. Море. Мы были счастливы». И всё. Ни имён, ни пояснений. Только дата и три слова, которые почему-то звучали как приговор.

Она села на табуретку, прижала фото к груди, будто так могла почувствовать ту самую свободу, которую излучала незнакомка. И вдруг поняла: правда, о которой говорилось на конверте, не обязательно должна быть про неё. Может, это чья-то чужая правда. Чужая жизнь, которую кто-то решил ей передать. Но зачем?

В голове зашумело, как в старом радиоприёмнике, когда крутишь ручку в поисках нужной волны. Мысли наскакивали друг на друга: мама, день рождения, сестра, этот конверт, фотография, море, 1998 год... Год, когда Лена только пошла в школу. Год, который она почти не помнила, кроме одного эпизода: как мама плакала, сидя на полу в коридоре, а папа стоял в дверях, не решаясь ни уйти, ни подойти.

«Может, это связано с ними?» — мелькнуло у неё. Но тут же она отогнала эту мысль. Не надо искать связи там, где их, скорее всего, нет. Это просто чья-то старая история, случайно попавшая к ней. Или не случайно?

Телефон снова звякнул. Теперь уже от мамы: «Жду тебя в шесть. И не опаздывай, ты же знаешь, как я не люблю, когда опаздывают». Лена посмотрела на часы. До шести оставалось чуть больше семи часов. Семь часов, чтобы решить: рассказать ли про конверт и фото или спрятать их подальше, как прячут детские дневники от посторонних глаз.

Она положила фотографию рядом с кружкой, накрыла ладонью, словно защищая от сквозняка. И вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок — не от холода, а от предчувствия. День, который начинался с обычного кофе, вдруг перестал быть обычным. И Лена поняла: сегодня ей придётся сделать выбор. Маленький, незаметный для других, но огромный для неё самой.

Глава вторая.

Лена накрыла фотографию ладонью, будто хотела её усыпить, спрятать от самой себя. Потом резко встала, сунула снимок и конверт в ящик стола, туда, где лежали старые чеки, сломанная заколка и прочие вещи, которым вроде бы нет места, но выбросить жалко. Щёлкнула крышкой — и будто замок поставила.

— Всё, — сказала она вслух, будто кто-то мог её оспорить. — Никаких тайн. Сегодня день рождения мамы. И я просто пойду и буду нормальной дочерью.

Она открыла шкаф, перебрала вешалки. Всё казалось либо слишком нарядным, либо слишком будничным. В итоге выбрала тёмносиние брюки и бежевый свитер — спокойный, тёплый, как обещание: «я здесь, я рядом, всё хорошо». Надела, посмотрела на себя в зеркало в прихожей. Лицо было чуть бледнее обычного, глаза — чуть шире, будто она сама себе не верила.

— Ну, — прошептала, — ты справишься.

На кухне она сполоснула ту самую кружку с отколотым краем, поставила её в сушилку — пусть сегодня будет без кофе, пусть будет чай, пирог, свечи, мамины рассказы про то, какой Лена была в детстве. Пусть будет обычный праздник.

Телефон снова звякнул — сестра: «Ты едешь? Мама уже накрывает, говорит, что ты опять придумаешь повод не

прийти». Лена улыбнулась. Сестра всегда всё преувеличивала. Или не преувеличивала — просто видела то, что Лена старательно прятала.

«Еду, — быстро напечатала она. — Уже выхожу».

И правда вышла. Закрыла дверь, повернула ключ, спустилась по лестнице, где на площадке третьего этажа всё ещё пахло жареной картошкой из чьейто квартиры — запах, который почемуто всегда возвращал её в детство, когда казалось, что дом — это самое надёжное место на свете.

В магазине она купила цветы — не пышные, не дорогие, а простые: белые хризантемы, которые мама любила за то, что они долго стоят. Продавец завернул их в коричневую бумагу, перевязал бечёвкой, и Лена вдруг почувствовала, как напряжение, сжимавшее грудь с самого утра, чуть ослабло. Это был хороший, понятный ритуал: купить цветы, прийти, обнять, сказать «с днём рождения», разрезать пирог. Ничего сложного.

По дороге она старалась не думать о конверте. Но он всё равно мелькал, где-то на краю мыслей, как тень, которая не отстаёт, даже если не смотришь. «Потом, — говорила она себе. — Если будет нужно — потом. А сегодня — только мама».

Мама открыла дверь ещё до того, как Лена успела нажать на звонок. Как будто стояла у порога и ждала. В фартуке в горошек, с чуть растрёпанными волосами, с улыбкой, в которой было столько тепла, что Лене сразу захотелось прижать-

ся к ней и сказать: «Прости, что я всё усложняю».

— Ты пришла, — выдохнула мама, обнимая её так крепко, будто боялась, что дочь исчезнет, если отпустить хоть на секунду. — Я уж думала, опять что-то случится.

— Ничего не случится, — тихо сказала Лена, отдавая цветы. — Сегодня только твой день.

Мама уткнулась носом в хризантемы, улыбнулась, и в этой улыбке было столько благодарности, что у Лены защемило в глазах.

— Проходи, проходи, — засуетилась мама, ведя её на кухню. — Сестра уже тут, пирог печёт — ну, точнее, разогревает, но делает вид, что сама испекла. И знаешь, я сегодня такой салат сделала, что даже кот смотрел с уважением.

Лена рассмеялась — искренне, без усилия. И вдруг поняла: вот оно, то самое «просто отпраздновать». Не искать смыслы, не расшифровывать чужие послания, а просто быть здесь, пить чай из маминой чашки с синими цветами, слушать, как сестра спорит с мамой изза количества сахара в пироге, и чувствовать, как день, который начинался с тревожного свиста чайника, потихоньку становится тёплым и своим.

За столом мама вдруг посмотрела на неё внимательно, чуть склонив голову — так, как умела только она, будто видела не лицо, а то, что прячется за ним.

— Ты какая-то тихая сегодня, — сказала мама. — Всё в порядке?

Лена чуть помедлила. Внутри шевельнулось желание рассказать про конверт, про фото, про странное предчувствие. Но она только улыбнулась и накрыла мамину руку своей.

— Всё в порядке, мам, — сказала она. — Просто рада, что мы все тут.

И это была правда. По крайней мере, на сегодняшний вечер — точно.

Глава третья.

Пирог поставили на стол — тёплый, с золотистой корочкой, от него сразу потянуло ванилью и яблоками. Сестра гордо подвинула тарелку, будто это она три часа стояла у духовки, а не просто разогревала в микроволновке.

— Ну, попробуй, — сказала она Лене, подталкивая кусок. — Только честно. Если скажешь «как из магазина», я обижусь.

Лена отломил вилкой кусочек, подула, отправила в рот. И правда было вкусно — не ресторанно, не идеально, а домашнему, когда сладость чуть перебивает кислинку, и ты ешь и чувствуешь: кто-то старался.

— Очень вкусно, — сказала Лена и улыбнулась. — Почти как в детстве.

Мама тут же подхватила:

— Ага, почти. В детстве я вообще муку с сахаром на глаз сыпала. Получалось то песочное, то резиновое. Но вы ели. Особенно ты, Ленка. Ты всё ела. Даже лук в супе, если его хорошенько разварить.

Сестра фыркнула:

— Да она просто не хотела, чтобы мы знали, что ей не нравится. Вечно делала вид, что всё супер.

Лена пожала плечами, но в груди стало тепло от этого «вечно». Будто они помнили её даже в тех мелочах, которые она сама забыла.

— А помнишь, — вдруг сказала мама, наливая чай в свою любимую чашку с синими цветами, — как мы в девяносто восьмом на дачу поехали? В июле. У тебя как раз каникулы начались.

Лена замерла на секунду — ровно настолько, чтобы никто не заметил. 1998й. Тот самый год с фотографии. Но мама не смотрела на неё пристально, не ждала какойто особой реакции. Она просто вспоминала, как вспоминают чтото уютное, без подтекста.

— Ты тогда всё хотела сама собирать клубнику, — продолжала мама, улыбаясь своим мыслям. — А руки были такие маленькие, что ты ягоды вместе с листьями срывала. И всё равно тащила в корзинку, гордая: «Я сама!»

Сестра закатила глаза, но тоже улыбалась:

— А потом она эту клубнику с листьями в кашу положила. И ела. И говорила: «Вкусно!»

Они засмеялись — не над Леной, а вместе с ней, над тем, какой она была. И Лена вдруг почувствовала, как та тень, что весь день тянулась за ней от конверта, становится тоньше, почти прозрачной.

— А ещё, — вспомнила сестра, — ты тогда всё время просила: «Расскажи про море». Будто знала, что мы никогда не ездили.

Мама чуть нахмурилась, будто чтото припоминая, но тут же разгладила лоб и сказала спокойно:

— Мы тогда хотели поехать. Всё лето собирались. Билеты

смотрели, вещи перебирали. А потом... ну, сами знаете. Денег не хватило. Так и остались на даче. Зато сколько клубники съели — до сих пор снится.

Лена кивнула. Не стала спрашивать про «потом». Не хотела вытаскивать ту старую грусть, которая, как она чувствовала, пряталась за мамиными словами. Вместо этого сказала:

— Зато у нас была дача. И клубника. И ты нам каждый вечер читала, пока комары не съедали.

Мама улыбнулась — уже не в воспоминание, а прямо ей, Лене:

— Читала. И вы обе притворялись, что не боитесь, хотя под одеяло забирались по самые уши.

— Я не притворялась! — тут же возмутилась сестра. — Там реально было страшно. Там в кустах кто-то шуршал.

— Это ёжик, — хором сказали мама и Лена, и все трое снова рассмеялись.

За окном уже темнело, и свет лампы стал мягче, будто тоже хотел сделать этот вечер уютнее. Лена смотрела на их лица — на мамины морщинки у глаз, на то, как сестра смешно морщится, когда пьёт горячий чай, на то, как мама машинально поправляет салфетку, будто хочет, чтобы всё было идеально. И думала: вот она, мозаика. Не из больших событий, а из таких вот кусочков: клубника с листьями, дача, ёжик в кустах, пирог, который не совсем свой, но всё равно любимый.

Мама вдруг наклонилась вперёд, как делала всегда, когда

хотела сказать, что то важное, но не слишком серьёзное:

— Знаете, я иногда думаю: если бы можно было собрать все наши дни в одну книгу, там бы не было ни драм, ни погонь. Просто мы. И клубника. И ёжики. И разговоры за столом.

Сестра хмыкнула, но кивнула:

— И споры про сахар в пироге.

— И то, как Лена ест всё подряд, лишь бы никого не обидеть, — добавила мама, подмигнув.

Лена не стала спорить. Пусть думают, что она такая. Пусть это будет её семейная деталь — маленькая, но своя.

Она потянулась, взяла ещё один кусок пирога, и вдруг поняла: конверт и фотография всё ещё лежат в ящике стола. И, наверное, могут полежать ещё немного. Потому что сегодня — день мамы. И в этой мозаике сейчас есть место только для них троих.

Глава четвертая.

Сестра, доев кусок пирога, отодвинула тарелку и хитро прищурилась — так она всегда делала, когда собиралась выдать какую-нибудь семейную легенду, в которой правда и выдумка переплелись до неразличимости.

— А помните того ёжика? — сказала она, понизив голос, будто он всё ещё мог услышать. — Не просто какого-то там, а того самого. Который у нас жил.

Лена чуть не поперхнулась чаем.

— Жил? Да ты что. Он у нас не жил. Он просто приходил по ночам и топал, как рота солдат.

Мама засмеялась, но в смехе было что-то тёплое, будто она сама снова стояла на той даче, в старом халате, и смотрела, как между грядок шмыгает колючий комочек.

— Ну, «жил» — это громко сказано, — согласилась мама. — Но почти. Он приходил каждую ночь. И каждый раз устраивал такой концерт, что я всерьёз думала: в доме завелся маленький носорог. Топают, фыркают, шуршит — будто листья ворошит сапогами.

Сестра кивнула, довольная, что её версию не отвергли с порога.

— Я его боялась, — призналась она. — И одновременно хотела поймать. Думала, посажу в коробку, буду кормить яблоками и возьму с собой в город. Представляла, как он бу-

дет сидеть у меня на коленях в автобусе и все будут оборачиваться.

— А я думала, он злой, — тихо сказала Лена. — Потому что фыркал. Мне казалось, он на нас сердится.

Мама наклонилась вперёд, оперлась локтями о стол — и в этот момент стала той самой мамой из детства: спокойной, всё понимающей, умеющей любую страшную вещь превратить в добрую сказку.

— Он не сердился, — сказала она. — Он просто был ёжик. Ему было непривычно, что рядом люди. И он старался держаться поближе, но при этом показать: «Я сам по себе, не трогайте». Вот и фыркал — как будто ставил невидимый забор: «Тут я, тут моя территория».

Лена вдруг вспомнила: однажды ночью она встала попить воды и увидела его в свете фонаря — совсем крошечного, с мокрым носом, который всё время дёргался, будто нюхал воздух на предмет опасностей. И в ту секунду ей стало его бесконечно жалко. Хотелось протянуть руку, но она знала: уколёт. И не потому, что злой — просто так устроен.

— А потом он пропал, — вдруг сказала сестра, и в её голосе мелькнуло то детское разочарование, которое никуда не девается, даже когда вырастаешь. — Я всё ждала, что он придёт. Даже оставляла ему кусочек яблока на крыльце. Но он не пришёл.

Мама чуть помолчала, будто подбирая слова, чтобы не сделать больно.

— Наверное, ушёл туда, где спокойнее, — мягко сказала она. — Ёжики ведь не привязываются к людям. Они привязываются к месту. А у нас было шумно: мы смеялись, хлопали дверьми, включали радио... Для ёжика это как жить на вокзале.

Лена посмотрела на сестру — и увидела в её лице ту самую девочку, которая оставляла яблоко на крыльце и верила, что ёжик его найдёт. И ей вдруг захотелось как-то эту старую грусть сгладить.

— Зато мы его помним, — сказала Лена. — И каждый раз, когда шуршит в кустах, я думаю: а вдруг это он? Просто вырос, стал солидным, и теперь топает уже не как носорог, а как взрослый ёж.

Сестра фыркнула, но улыбнулась — той самой улыбкой, когда смешно и чуть-чуть грустно одновременно.

— Солидный ёж, — повторила она. — С сединой на иголках.

— И с опытом, — подхватила мама. — Который знает, что яблоки лучше брать с грядки, а не с крыльца. Там вкуснее.

Они снова рассмеялись — негромко, уютно, так, что даже тени от лампы легли по-другому, мягче.

А потом сестра вдруг хлопнула себя по лбу, будто вспомнила что-то важное:

— Слушай, а ведь в том году, в девяносто восьмом, мы ещё нашли старую жестяную банку в сарае. С наклейкой, где женщина в шляпе и надпись по-французски. Ты помнишь?

Мы её таскали по всему участку, как сокровище.

Лена нахмурилась, пытаясь выудить из памяти этот обрывок: пыльный сарай, паутина, висящая, как занавес, и круглая банка, холодная на ощупь.

— Помню, — медленно сказала она. — Ты говорила, что это духи. А я не верила. Духи не могут быть в такой банке.

— Конечно, не духи, — фыркнула сестра. — Это был какао. Но мы-то не знали. Нам казалось, что, если надпись иностранная, значит, что-то очень ценное. И мы по очереди нюхали эту банку, думая, что чувствуем запах Парижа.

Мама покачала головой, но глаза у неё смеялись:

— Вы её чуть не открыли. Я еле успела отобрать. Там внутри была какая-то труха, но вы бы всё равно сказали, что это волшебный порошок.

— Так и было! — засмеялась сестра. — Мы хотели посыпать им ёжика, чтобы он стал волшебным. Чтобы он умел говорить и рассказывал нам истории по ночам.

Лена почувствовала, как внутри разливается тепло — не горячее, а такое, от которого хочется сидеть вот так, за столом, слушать и улыбаться. И вдруг поняла: эти кусочки — ёжик, банка, клубника с листьями — и есть та самая мозаика. Не про большие события, не про тайны, а про то, как они были рядом, придумывали чудеса из ничего и верили, что мир добрый.

Мама встала, начала собирать тарелки — не спеша, по одной, будто не хотела, чтобы вечер кончался.

— Давайте ещё чаю, — сказала она. — А потом достанем альбом. У меня там где-то есть фото той дачи. Может, даже найдётся снимок, где вы с этой банкой.

Сестра тут же оживилась:

— Точно! Я помню, ты нас тогда сфотографировала. Мы стояли такие серьёзные, будто охраняли настоящее сокровище.

Лена кивнула. Ей хотелось увидеть это фото — не ради прошлого, а ради того, чтобы прямо сейчас, в этой тёплой кухне, почувствовать: они всё те же. Только теперь сокровищем стало не жестяное какао, а вот это — вечер, пирог, мамыны руки, которые привычно расставляют чашки, и сестра, которая всё ещё верит в чудеса, просто теперь называет их по-другому.

Глава пятая.

Мама достала из шкафа старый альбом — толстый, с тёмнозелёной обложкой, которая уже вытерлась на углах. Сестра тут же потянулась к нему, но мама шутливо прикрыла ладонью:

— Не торопись. Он тяжёлый, как история всей нашей жизни. Давай по страничке, ладно?

Лена улыбнулась и подвинула к себе чашку. Чай остыл, стал мягким, травянистым — не таким горячим, чтобы обжечь, а таким, что греет изнутри. За окном окончательно стемнело, и в кухне стало уютно, будто весь город снаружи отодвинулся подальше, чтобы не мешать этому вечеру.

Мама открыла первую страницу. Там была фотография дачи — покосившийся домик, веранда с облупившейся краской, а рядом — они втроём, в одинаковых панамах, которые мама купила на рынке по три рубля. Лена помнила эти панамы: они пахли пылью и солнцем, а ещё сползали на глаза, и приходилось всё время их поправлять.

— Какие мы смешные, — тихо сказала Лена, проводя пальцем по краю снимка.

— Зато счастливые, — спокойно ответила мама. — У нас тогда денег почти не было, лето было дождливое, сарай протекал... А мы всё равно были счастливые.

Сестра хмыкнула, но в голосе не было ни иронии, ни гру-

сти — только тёплая узнаваемость:

— Потому что мы были вместе. И ещё потому, что ты нам каждый вечер варила какао. Даже если оно было из самого дешёвого порошка.

Мама кивнула, не споря.

— Из самого дешёвого. Но я добавляла туда щепотку корицы. Говорила: это секрет. А на самом деле корицы просто было жалко.

Они рассмеялись — негромко, так, что смех не разбивал тишину, а укладывался в неё, как плед на плечи.

Альбом пошёл по кругу. На одной странице — сестра в резиновых сапогах, выше колен, стоит посреди лужи и гордо улыбается. На другой — мама в фартуке, с лопатой в руках, будто собирается не картошку копать, а защищать огород от всех бед сразу. Лена смотрела на эти лица — молодые, чуть усталые, но живые — и чувствовала, как та тяжесть, что весь день лежала, гдето под рёбрами, потихоньку сползает вниз, становится неважной.

— А вот тут, — вдруг сказала мама, задержав палец на одной из фотографий, — ты, Ленка, сидишь на крыльце и держишь в руках какуюто тряпочку. Помнишь? Ты её называла «плащневидимка».

Лена прищурилась, вглядываясь в маленькую себя. И правда — в руках лоскут старой занавески, а на лице такая серьёзность, будто от этого плаща зависит судьба мира.

— Помню, — сказала она, и голос чуть дрогнул, но не от

грусти, а от того, как близко вдруг оказалось детство. — Я думала, если накину его на себя и скажу «я невидима», то всё плохое меня не найдёт.

Сестра, не поднимая глаз от альбома, тихо сказала:

— Я тоже так думала. Только у меня не было плаща. У меня была банка. Та самая. Я пряталась за ней и верила, что если не вижу мир, то и мир меня не видит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.